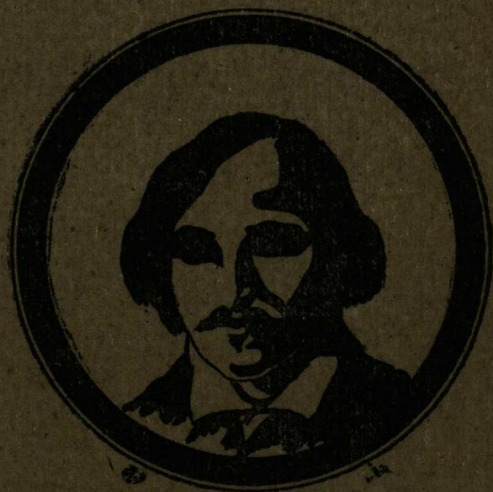

Н О В Ы Й ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ

ПАМЯТИ ГОГОЛЯ

А В Т О Р Ы:

Л. Андрусонъ, Ниво-
лай Архиповъ, К. Ба-
ранцевичъ, Л. Василев-
сий, Л. Гуревичъ,
М. Гальперинъ, А. Ку-
принъ, Л. Козловскій,
Вл. Ладыженскій, В. Лен-

скій, Вл. Муриновъ,
В. Поссе, И. Рѣпинъ, А. Ро-
славлевъ, А. Свирскій,
Сила - Дворяниновичъ,
Н. Фалѣевъ, Е. Чир-
новъ, Чужь-Чуженинъ,
И. Щегловъ, Н. Эфросъ.

Иллюстраціи: И. Рѣпинъ—1) Отъѣздъ Тараса Бульбы съ сыновьями въ Запо-
рожскую Сѣчь, 2) Гоголь и о. Матѣй, 3) Запорожцы. Баронъ М. Клодтъ—4) Старо-
свѣтскіе помѣщики. А. Кондратенко—5 и 6) Усадьба Гоголя, Яновка. А. Ивановъ—
7) Портретъ Гоголя.

Рисунки худ. С. Чехонина: 1) Капитанъ Копейкинъ, 2) Городничій, мечтающій о
генеральствѣ.

1909

МАРТЪ

№ 5

Цѣна Гого-
левскаго
№ 50 коп.

КОНТОРА И РЕДАКЦІЯ:
СПБ. СВѢЧНОЙ, 16.

Обычная —
25 коп. На
годъ 2 руб.

ВЪ ДОРОГУ!

На мотивъ изъ Гоголя.

Статья Л. Козловскаго.

«Тоція лошади, извѣстныя въ Миргородѣ подь именемъ курьерскихъ, потянулись, производя копытами своими, погружавшимися въ сѣрую массу грязи, неприятный для слуха звукъ. Дождь лиль ливня на жида, сидѣвшаго на козлахъ и накрывшагося рогожкой...
...Печальная застава съ будкой, въ которой инвалидъ чинилъ сѣрые доспѣхи, медленно пронеслась мимо. Опять то же поле, мѣстами изрытое, черное, мѣстами зеленѣющее, мокрая галки и вороны, однообразный дождь, слезливое безъ просвѣту небо. Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!»

Скучно на этомъ свѣтѣ! Въ безконечную даль протянулась дорога, по которой тащатся тоція лошади, копытами погружаясь въ сѣрую массу грязи, и однообразныя, скучныя картины, печальныя, какъ эта застава съ будкой инвалида, проходятъ одна за другой; уѣздные и губернскіе города съ городничими, губернаторами, судами, казенными палатами; столичныя департаменты съ ихъ канцеляріями, гдѣ выцвѣвшіе чиновники корпятъ всю жизнь надъ бумагами; одинокія усальбы Ноздревыхъ, Плюшкиныхъ, Маниловыхъ, Собакевичей... Все сливается въ «одинъ испоинскій образъ скуки...» Всюду одна и та же безпросвѣтно скучная жизнь, однообразная, какъ осенній дождь: ѣдятъ, спятъ, пьютъ, въ карты играютъ, вязки берутъ, пишутъ ненужныя бумаги, произносятъ ненужныя слова... Ни одного живого дѣла, ни одного живого лица... мертвыя лица и мертвыя души.

И кажется, что пошлость этой ненужной жизни сѣрой массой грязи всю землю покрыла, надъ всѣмъ міромъ протянулось слезливое безъ просвѣту небо, кажется, что никогда не кончится эта дорога, никогда тоція лошади не вывезутъ изъ сѣрой массы грязи.

По этой дорогѣ, размокшей отъ осенняго дождя, не понесется впередъ необгонимая русская тройка, чуднымъ звономъ не залется колокольчикъ... «Взвейтесь, кони, и несите меня съ этого свѣта! Далѣе, далѣе, чтобы не

видно было ничего, ничего! Вонъ небо клу-
бится передо мной; звѣздочка сверкаетъ вдали;
лѣсъ несется съ темными деревьями и мѣ-
сяцемъ; сизый туманъ стелется подъ ногами...
Домъ ли то мой синѣетъ вдали? Мать ли
моя сидитъ передъ окномъ? Матушка, спаси
твоего бѣднаго сына!.. Ему нѣтъ мѣста на
свѣтѣ! Его гонять!»

Его гонять, бѣднаго сына русской земли.
И опять та же дорога, по которой тащатся
тошія лошади, копытами погружаясь въ
сѣрую массу грязи...

...Опять то же поле, мѣстами изрытое,
черное, мѣстами зеленѣющее, мокрая галки
и вороны, однообразный дождь, слезливое
безъ просвѣту небо... Печальныя, скучныя
картины снова мелькаютъ одна за другой.
Вотъ знакомыя казенныя зданія, лишь выкра-
шенныя въ другую краску. Вотъ знакомыя
лица хозяевъ земли—Ноздрева, Собакевича,
Сквозника-Дмухановскаго... И снова «возра-
стаетъ въ виду всѣхъ одинъ исполинскій
образъ скуки, достигая съ каждымъ днемъ
неизмѣримѣйшаго роста. Все глухо... могила
повсюду. Боже! пусто и страшно становится
въ Твоемъ мірѣ!»

Но дальше, мимо этой могилы! «Въ дорогу,
въ дорогу! Прочь набѣжавшая на чело мор-
щина и строгій сумракъ лица!» Не вѣчно
слезится осеннее небо, а въ ясный осенній
день такъ хороша дорога! «Ясный день,
осенніе листья, холодный воздухъ... покрѣпче
въ дорожную шинель, шапку на уши, тѣснѣй
и уютнѣй прижмемъ къ углу! Въ послѣдній
разъ пробѣжавшая дрожь прохватила члены
и уже смѣнила ее пріятная теплота. Кони
мчатся...»

Въ дорогу, въ дорогу! А отдыхъ... отдыхъ
тогда, когда весенніе потоки смочутъ грязь
съ земли, когда зелень, что теперь проби-
вается мѣстами среди чернаго, изрытаго поля,
одѣнетъ землю пышнымъ ковромъ, и земля,
цвѣтушая любовью и трудомъ въ поцѣлуѣ
съ небомъ сольется. Отдыхъ въ тотъ лѣтній
часъ, когда «полдень блещетъ въ тишинѣ и
зноѣ, и голубой неизмѣримый океанъ, сладо-
страстнымъ куполомъ нагнувшійся надъ зем-
лей, кажется заснулъ, весь потонувши въ
нѣгѣ, обнимая и сжимая прекрасную въ
воздушныхъ объятіяхъ своихъ».

Л. Козловскій.